

РУТМС Москва
„Мастерская Петра Фоменко“

Надысь и намедни

Вос. Кутепов. — 1992 — 20.02

Меропа, Анфуса, Евлампия...

Студенты П. Фоменко играют Островского

Странным образом прошедший театральный сезон был беден интересными спектаклями в академических театрах. Зато богат премьерными в московских театральных школах: Щукинском училище, ГИТИСе... Только здесь, кажется, и можно еще увидеть хорошее театральное искусство. Это может и опечалить, но может и вселить надежду.

Студенты ГИТИСа, о которых пишет Н. Крымова, стали почти легендой в среде московских театралов...

В спектакле «Волки и овцы» режиссерского курса, которым в нынешней театральной академии (бывшем ГИТИСе) руководит Петр Фоменко, удивительно полная свобода от всего, что стало штампом. Наклеенные бороды этому Островскому не нужны, как и джинсы. Отодвинуты и забыты раскоjee театральное представление о темном царстве и духоте русского быта...

Между тем у автора немало таких словечек и оборотов, значение которых не сразу разгадаешь, а где ставить ударение, не поймешь. «Телепень», например, или «распетушь». Или — «фиштыкать». А имена! Меропа Давыдовна, Вукол, Евлампия, Анфуса, Павлин... Удивительно, но в этом словесном

«распетушь» молодые актеры чувствуют себя, как дома. И уже кажется, что именно Меропой только и можно назвать существо, о котором у Островского сказано: «Девушка лет 65-ти». Ксения Кутепова играет старуху Мурзавецкую менее всего старухой, но зато и давицей, и барышней, и барыней, всем вместе.

Скажут, так не бывает. Бывает, однако. Спектакль изящно переводит в условный план то, что и у автора по-своему условно, а оттого и лукаво, и смешно. Барыню Мурзавецкую, естественно, водят под руки, почтительно усаживают на диван, но также естественно она может энергично астать, локоть сест, молодо взглянуть. Помнит

про больную поясницу, но тут же и забывает — и то и другое вроде бы без притворства. Кто ее энзет, девица она или нет. Тут как раз в некоторой неопределенности — и смех, и грех. Греховного во всех персонажах хоть отбавляй, но живая прелесть греха в Меропе Мурзавецкой готова поспорить с любой моралью.

Все точно так же и у двоих-красавицы Евлампии Купавиной, хотя по авторскому раскладу Евлампия — ояца, а Мурзавецкая из волков. Купавина, которую играет Полина Кутепова, неочи-

душа мне известна: я в нее как в зеркало смотрю: вот я сейчас вижу...» и т. д. В этой зеркальности столь забавная игра, что совершенно неважно, кто победил и кто проиграл, вместе ли эти одинаковые бабочки-мотыльки родились или, как в пьесе, одна уже прожила свое, а другая только начинзет — полет. Островский, разумеется, не предугадывал подобной прелести в двух своих героинях, но, оказывается, сегодняшние молодые могут что-то свое подарить и Островскому.

А еще в спектакле есть Анфуса. Исполнительницу зо-

рассыпан по всей пьесе бестолково, как горох. Но Ма Чжин Хун дорожит в нем каждым полусловом, каждым звуком, как в музыке. Российское сиротское косноязычие воспроизводится любовно, на разные лды, с идеальным вниманием к автору, к любому партнеру, к разнообразию житейских ситуаций. Тщательность работы, можно сказать, китайская.

Спектакль «Волки и овцы» — счастливый случай: но, хочется думать, не случайность. Не могут быть случайностью замечательные постановки очень разных пьес на одном и том же курсе. Свет и очарование этого спектакля зависят от степени художественности. Хотя сегодня, может быть, еще и оттого, что с течением времени всякая мелочь прошлого становится ценна и полновесна. Как предвидел Набоков, в будущем все будет облагоустроено и оправдано стариной, и человек, надевший самый простенький сегодняшний пиджачок, будет уже нзряжен для изысканного маскаррада. Художнику остается лишь любовно уловить эту странную связь времзн.

Наталья КРЫМОВА.

На снимках: сцены из спектакля «Волки и овцы».

Фото Геннадия НЕСМАЧНОГО.

